

Сергей Шоргин

ВЕЧЕРНИЕ БЕСЕДЫ

Стихи

Москва
ТОРУС ПРЕСС
2008

УДК 82-1
Ш 79
ББК 84-5

В оформлении обложки использована картина М. Чюрлёниса
«Закат» ("Saulelydis")

Литературный редактор О. Гришина

Сергей Шоргин

Ш 79 Вечерние беседы: Стихи. — М.: ТОРУС ПРЕСС, 2008. —104 с.

ISBN 978-5-94588-048-1

Сергей Шоргин (р. 1952) окончил МГУ, работает в Институте проблем информатики Российской академии наук. Пишет стихи и переводит иноязычную поэзию с 1999 г. Опубликовал несколько поэтических сборников, в том числе «Зеркало дороги» (Водолей Publishers, 2005) и «Случайный звездочёт» (в том же издательстве, 2008). Кроме того, выпущен сборник поэтических переводов «Ворожба», имеются публикации в журнале «Крещатик», нескольких антологиях поэтического перевода, а также многочисленные публикации в Интернете. Новая книга Сергея Шоргина представляет читателю значительную часть стихов, написанных им в 2004–2007 гг.

УДК 82-1
ББК 84-5

ISBN 978-5-94588-048-1

© С. Я. Шоргин, 2008
© О. П. Горшков, послесловие, 2008
© ТОРУС ПРЕСС, оформление, 2008

Шоргин Сергей Яковлевич

Вечерние беседы

Стихи

Компьютерная верстка М. Седакова

Дизайн обложки С. Шоргин

Сдано в набор 12.02.08. Подписано в печать 26.02.08. Формат 60x84/16.

Бумага офсетная. Гарнитура «Гарамонд». Печать цифровая.

Усл. печ. л. 6,5. Уч. изд. л. 17,84. Тираж 120 экз.

Заказ № 169

Издательство «ТОРУС ПРЕСС», 115201, г. Москва, а/я 3

E-mail: torus@torus-press.ru; <http://www.torus-press.ru>

Отпечатано в ЗАО «Поли-экспресс» с готовых файлов
105264, г. Москва, Верхняя Первомайская ул., д. 43/24, корп. 4.

*Посвящаю эту книгу — как и всё,
что я делаю, — своей жене Ирине*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале 2008 г. практически одновременно выходят из печати три мои книги — «Случайный звездочёт» (издательство «Водолей Publishers»; что-то вроде избранного за последние 3 года), книга, которая у вас в руках, а также сборник юмористических и иронических стихов «Яйцо Всевластия».

В книгу «Вечерние беседы» я включил ряд стихотворений, написанных в 2004–2007 гг. и не вошедших в книги «Зеркало дороги» («Водолей Publishers», 2005) и «Случайный звездочёт».

В «Вечерних беседах», в отличие от других моих книг, стихотворения не сортируются по тематике, а размещены практически в хронологическом порядке.

Я глубоко благодарен Ольге Гришиной за огромную помощь, оказанную мне при подготовке этой книги к публикации, — и по отбору стихов, и по их редактированию. Выражаю сердечную признательность Олегу Горшкову за тёплые слова, сказанные обо мне и моих стихах в «Послесловии».

Сергей Шоргин

МОЕЙ БУДУЩЕЙ КНИГЕ

Что захочу — наворочу, что надо — совершу.
Тебя я лично оплачу — других не попрошу.
Давно исчезли добряки, людей не беспокой;
Раз нет в издательствах «руки» — махну на них рукой.
Знай: многосотенный тираж тебе не предстоит
(Сто штук, не больше — и шабаш. И поскромнее вид),
И книголюбы в магазин не побегут стремглав,
Тебя не сыщет ни один и не поставит в шкаф.
Такие книги не в цене, не опус — баловство...
Ты денег не доставишь мне: стихи — не для того.
Порядок этот не корю, нет горя ни на грамм:
Тебя себе я подарю и раздарю друзьям.
Пусть не прочтёт тебя народ, не примет книжный свет...
В рублях измерю свой расход.
Доходу — меры нет.

* * *

Темный бесприютный путь,
Словно неотступный сон;
То ли нисхожденья суть,
То ли наважденья фон.

Вижу отсветивший блеск,
Слышу отзвеневший звук,
Веток отгоревших треск,
Окон отгремевший стук.

Где же настоящий свет?
Что же отыщу во сне?
Память позабытых лет?
Вести о минувшем дне?

Время не годами мерь —
Счетом пролетевших туч...
Сзади затворилась дверь,
С лязгом повернулся ключ.

Чтобы отыскать из сна
К свету безобманный путь,
Выпью темноту до дна —
Но не допивая чуть.

ТИРРЕНСКАЯ КАНЦОНА

Море трирем и Траяна,
Древних сражений арена;
Трепетно и непрестанно
Волны рокочут: «Тиррено...»

Ласковой сини кулиса,
Легкие складки атласа;
Шепчут сирены Улисса
Вечную песню: «Галасса...»

Склоны в белесом тумане,
Скатерть дороги поката;
В тысячелетнем фонтане
Капель тоскливых стаккато.

Ветер листает страницы
Бережно и полусонно,
И никогда не доснится
Синего цвета канцона.

СНОВА О ЗОЛУШКЕ, или О ПОЛЬЗЕ ШТОПКИ

Сестриц и мачеху на бал
Бедняжка собрала;
Обычный вечер обещал
Обычные дела.

Тарелки вымыла она,
Почистила горшки,
А после — села у окна,
Чтоб починить чулки.

И вот заштопана дыра!
А на дворе — темно,
И крёстной матери пора
Прийти уже давно.

«На бал? О крёстная, хочу!»
«Прекрасно, мой дружок!
Тебя одену я в парчу;
Вот только нет чулок...»

«Нет, не смутят меня смешки!
По правде говоря,
Я очень рада, что чулки
Заштопала не зря.

Поеду в этих — не беда!
На туфельки взгляни:
Всю штопку скроют без труда
От публики они.»

Она уселась в экипаж,
Примчалась во дворец;
В нее влюбились страж, и паж,
И сто других сердец,

И сердце принца самого!
Но в полночь — вот дела! —
Она сбежала от него,
И сердце унесла.

За ней он гнался — не настиг...
Свалился башмачок;
Лишь принц увидел в этот миг
Заштопанный чулок.

И принц решил: «Не башмачок
Я буду примерять!
Примета эта — пустячок,
К чему ей доверять?»

И принц сказал: «Я сам пройду
По травам и пескам
И всё равно тебя найду —
По стареньким чулкам!»

* * *

Я вас люблю, культуроведы:
Какие громкие слова,
Какое чувство торжества,
Высокоумные беседы!

И каждый — высший судия,
Творцов в момент рассортирует:
NN — томит, MM — чарует,
LL — бездарная свинья.

Коль популярности достиг
Иной творец — вина сугуба!
Его нога культуролоуба
В болото втопчет в тот же миг.

Себя и холят, и голубят
(Видать, культура высока!)
Других же — любят, любят, любят
Ногою пнуть исподтишка.

Вот так живут — превыше всех,
И вовсе нет судей над ними,
Довольны мненьями своими,
И нет иных у них утех,

Да и своих творений нету...
А если скажут знатоку:
«Ты сам — что сделал на веку?» —
Утихнет. Не дает ответа.

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ ИОАННА

Бог есть свет, и нет в Нём никакой тьмы.

1-е Иоанна 1:5

Апостол рек — его слышали мы —
Что Бог есть свет, в Нём не найдёте тьмы.

И нет теней от Господа вблизи:
За каждой тенью свет вообрази.

За каждой тенью скрыт Господень свет;
Коль нету света, то и тени нет.

Ходи во свете — правый путь таков,
Но не забудь про тень своих грехов.

Когда про тень забудешь на свету,
Душа из света канет в темноту.

Коль с чистым сердцем дашь за грех ответ —
Господь простит и выведет на свет.

ЭТЮД НЕ ПО СЕЗОНУ

Жестокое жёлтое жало —
Пылающий пыльный клинок;
Жара шелестящая сжала
Стальными тисками висок.

От шелеста нету защиты,
От жаркого жала — щита,
И небо лучами прошито,
Как лентами — блеклость холста.

Но пёстрая певчая птица
Летит сквозь жару из гнезда,
И свежесть сквозь шелест струится
Сейчас, и потом, и всегда.

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ЗЕРКАЛА

Есть четыре стороны у света;
Пожалеть мы зеркало должны:
Как медаль оно и как монета —
Только две имеет стороны.

Зеркало нас часто водит за нос,
Служит нам источником химер;
Зеркало двулико, словно Янус,
И двулично, словно лицемер.

Не тянись улыбкою к остроте
И забудь обманы вещуна,
Потому что есть на обороте
Чёрная, глухая сторона,

Что не льстит и не принаряжает,
И с трудом скрывает торжество.
Ничего она не отражает —
И не искажает ничего.

Там — потусторонняя преграда,
Как глухая ставня на окне...
Но отыщешь правду — если надо —
Только на обратной стороне.

Зеркало твой взор наполнит вздором,
А изнанка — погрузит во тьму,
И из тьмы стремясь ко свету взором,
Ты увидишь, что и почему.

Амальгама манит и дурманит,
Ненадёжен отражённый свет.
Ярким блеском зеркало обманет —
В зазеркалье сыщется ответ.

* * *

На опоры сосен лёг уютно
Млечного Пути хрустальный мост.
Золотистый звон рожденья звёзд
Раздавался в небе поминутно.

Разлетались колокольцев звуки,
Переливом издали маня, —
И лукаво, ласково меня
Вывели из сумерек и скуки.

Чистый тон заоблачного зова...
Холодно... Теплее... Горячо!
И уселся ангел на плечо,
И шепнул ненайденное слово.

* * *

Двенадцать кратких строк об остальном —
Оставленном за лезвием ножа...
Платформы проплывают за окном,
Платочками прощальными дрожа...

Летим во тьму куда-то наобум,
Фронт грозовой, наверно, обходя,
И перелётной электрички шум
Баюкает, как музыка дождя.

Дорога окружная так долга,
Невыносима — даже и во сне,
Но кончится за гранью четверга,
И дождь тогда закончится во мне.

ДОРОГА К ХРАМУ

По буеракам и буграм,
По океанам и кострам
Торили путь до храма.
Не всё то золото, что блестит;
Чертог, что пышностью прельстит, —
Обычная реклама.

Храм не в полях, не на горе;
Не верь божбе и мишуре,
Молитве и газете;
Не под крестом, не на гербе —
Свой скромный храм найди в себе.
Других и нет на свете.

ПИТЕР

Холодный памятник эпохам неуютным,
Благословенный, несравненный, недобитый.
Ты — в одеянии блестящем, но лоскутном;
Твой жребий — северный, и часто — ледовитый.

Музейной сказкой зазываешь визитёров,
Сияя блеском и великим, и притворным.
Случалось — был не ко двору твой царский нор, —
Хотя теперь ты вновь становишься придворным.

Твои красоты — ледяная вечность Кая...
Но всё равно меня влечёт вернуться снова
Туда, на площадь, где, над городом сверкая,
Шпиль осеняет исполина громового.

NOSTRADAMUS NOW

Они — Высочества, Величества,
Они разрезали пирог:
Бароны Труб и Электричества,
Маркизы Угля и Дорог,

Металла граф и герцог Золота,
Король зловонный Нефтяной...
Но царь Убожества и Голода
На всех отправится войной.

И вышки в пламени расплавятся,
Хрусталь разбитый зазвонит,
И горизонты шахт уставятся
Стволами чёрными в зенит,

И домна сдвинется с фундамента,
Шагнёт на улицу, пыля,
И мстительный топор Мордаунта
Сверкнёт над шеей короля,

И дым взовьётся — и закружится
Над шумным завершеньем дня,
И домик карточный обрушится,
Нас под собою хороня.

ПИР ВО ВРЕМЯ ТРУБЫ

Разменное время распада,
Лафа для фальшивых элит...
Кровь чёрная льётся из ада —
И жизнь, как болото, бурлит.

Кормушкой явилось кормило,
Привычно шикают штабы...
Россия весь мир изумила
Пирами во время трубы.

* * *

Четыре чёрненьких чумазеньких таджика
Пылили мётлами под окнами с утра.
Их речь звучала подозрительно и дико
Среди обычного московского двора.

Шли на работу мы — задумываясь, кстати,
О тайном смысле непонятной болтовни...
О чём горланят работяги? О зарплате?
А может, взрыв уже планируют они?

А работяги возбуждённо обсуждали
То, что менты вчера придрались к паспортам.
Помогут в ЖЭКе ли, как прежде обещали?
А может, выгонят на улицу к чертям?

И что им делать, если выгонят из рая?
И где им жить в огромном городе тогда?
А мы шли мимо, ничего не понимая,
И были чужды нам их речи и беда.

* * *

Порог достигнут болевой,
И я словесною лавиной
Уже засыпан с головой —
Повинной или неповинной.

Не понесу ее под меч —
К сеченью, пусть и золотому,
И корабли не стану жечь —
Огнём не навредишь фантому.

Как море, раскачался свет,
Земля — как палуба корвета...
И вряд ли сыщется ответ
В пустынной комнате без света.

* * *

Дело — не в особенной проворности,
Не в уменье проникать до дна:
Стихотворность жизни — в смехотворности;
Отыщи-ка, где она видна!

Встретишь поглупее ситуацию —
Извлеки из глупости смешок,
Примени к нему версификацию,
И, глядишь, получится стишок.

Глупостей забавных воспевание —
Современных виршей существо.
Очень уж смешно существование.
Очень уж печально без него.

СУМЕРКИ

Укрыл от глаз вечерний морок
Дорогу в посеревший бор,
И превращается пригорок
В заморожённый крутогор,

Луна являет понемногу
Гримасу странную свою,
И наползает на дорогу
Тень, заполняя колею.

Безмолвно, мерно и неспоро
Тень подступает, как печаль.
Всё дальше серый берег бора,
Всё ближе сонная вуаль.

Насторожённая дремота,
Дым догоревшего костра...
За лесом наступает что-то
Взамен угасшего Вчера.

ЛУННАЯ ДОРОГА

Раскатился шорохом по лесу
Крик печальный полуночной птахи,
Чёрных крыльев удалились взмахи,
И луна раздвинула завесу.

Протянулась лунная дорога,
Белым паром призрачным вскипая.
Сможешь ли, в сиянье утопая,
Устоять на лезвии порога?

Прикоснись ногой к дороге робко,
К хрупкой ленте, тонкой, словно волос,
Осторожно — чтоб не раскололась
Под ногой сияющая тропка.

Поведе́т тропа сквозь лапы елей,
Рассекая паутину мрака,
К золотому блеску Зодиака,
В жаркий узел звёздных ожерелий.

А промедлишь — и тропа простится,
И уйдёт куда-то от подножья,
И дорогу сменит бездорожье,
И луну крылом укроет птица.

ХОСЕ И КАРМЕН

Тишину забудь. Что найдёшь взамен?
Пламя и цветок — вот она, Кармен!
Брошенный цветок — словно остриё:
Рассечёт навек прежнее житьё.
Рухнет навсегда будничный мирок,
В пламени очей — беззаконный рок.
Спросишь у него: что же впереди?
Ждёт тебя любовь. Милости не жди.
Жжётся, как огонь, этот дикий мёд.
Ласка этих глаз жизнь твою возьмёт.

ЗАТМЕНИЕ

Наступило полное затмение,
В темноте — кровавая корона,
А лазурь бывшая небосклона —
Сказка или недоразумение.

В вышине небесной канцелярии
Выписаны строгие указы:
Пламенные буквы долговязы
И неизъяснимы комментарии.

Но, внимая огненной суровости,
Мы, уставясь в небеса чумные,
Разбираем буквы неземные,
По складам разгадываем новости.

И отступит морок перед чтением,
Грамотность управится с молохом,
И затмение кончится со вздохом,
На покой отправится с кряхтением,

И корона покорится, спрячется;
Нет её — и не было, наверно...
Небо, что надмирно и безмерно,
Над землёй не раз ещё наплачется.

* * *

...Стихи — не зеркало изнанки,
Они открыты и добры;
Стихи скользят, как будто санки
Со снежной солнечной горы,

В них нет секретов из-под спуда,
Того, что скрыто в глубине...
Спрошу у строчек: вы откуда?
И строчки не ответят мне.

* * *

...И вот опять придёт ко мне строка,
Всего одна — и этого не мало.
Неважно: из начала, из финала,
Длинна она — а может, коротка.

Она одна, как камертон, даёт
Мелодию, размер и настроенье;
А дальше — удвоенье, утроенье,
Взрывное заполнение пустот.

Порой узор сплетётся кружевной,
Порою строфы выстроятся строго —
Но многих строк совместная дорога
Со строчки начинается одной.

* * *

Неужели надо выдумать разлуку,
Чтоб лирическое что-то получилось, —
Сочинять, что даже небо омрачилось,
Что прислушиваюсь к чайнному звуку,

Что и сердце разрывается на части
Без тебя, и на душе опять тоскливо
В ожиданье... Осмотрелся боязливо —
Ты же рядом. И к чему такие страсти?

Безразлучность бесталанна, бестолкова,
От неё в стихах обыденность и скука.
Плодотворна, вдохновительна разлука...
Только лучше не писать о ней ни слова.

ЛЮДИ В ЧЁРНОМ

В старанье честном непритворном
Нам весть благую предложить
Не умолкают люди в чёрном
И учат, учат, учат жить.

Слова чисты, деянья святы,
На лицах — благодати печать
(Недаром в «органах» зарплату
Им доводилось получать).

Их ремесло — с улыбкой кроткой
К любви и совести взывать
(Недаром безакцизной водкой
Им доводилось торговать).

В стране амбаров и пожаров
И государственных химер
Всегда хватало комиссаров
Всепременно верных вер.

В державе стона и озона,
И снегорей, и лагерей
Всегда немало было звона
От искушённых звонарей.

То звонари Земного Рая,
То Сил Небесных звонари
Звонили, руки обдирая, —
Не проходили волдыри!

Тот сам не верит в тары-бары,
Тот верит — это всё равно:
Звонят, как прежде, комиссары;
Им *самозвонство* суждено.

То эта сказка, то другая...
И нынче самый главный звон —
От тех, кто, свечи возжигая,
Степенно входит на амвон.

Небес незванные полпреды
Поют под сенью куполов...
И вот удача и победа,
Вот новый свеженький улов:

Под звуки чванного трезвона,
В чаду душливым лампад
Ребенок смотрит на иконы,
И робок зачумлённый взгляд.

Взирает на амвон в опаске,
Внимает чёрным баюнам...
Он обречён суровой сказке,
Тяжёлым и недетским снам,

Жить будет в мире иллюзорном,
Где вместо солнца — образа.
Глядят на крысолова в чёрном
Уже не детские глаза.

Неиссякаемое средство
Для пополнения разных касс —
Небес обманное полпредство
И самозванство чёрных ряс.

Растут доходы от шаманства,
Звенят, звенят колокола,
И над Россией самозванство
Простёрло чёрные крыла.

НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ

Опять гроза шмыгнула стороной,
Прошла поодаль, прогремела сбоку.
Никто не видел тени за спиной,
Не видел рядом и неподалёку.

И что нам тень? Да это дребедень!
Не веря ни прогнозам, ни пророкам,
Мы все по краю ходим каждый день —
И побоку нам пропасти под боком.

Пророкам верить, верно, ни к чему,
И как всегда ошибочны прогнозы,
А те, кто возвещает нам чуму, —
Порой глупы, порою нетверёзы;

Пророчат ужас, обещают страх,
Но сбивчиво, туманно и обманно...
Теперь не жгут пророков на кострах —
И это удивительно гуманно.

Все предсказания — это ерунда!
От них не станет просыпаться лихо.
А истинная, страшная беда
Придёт непредсказуемо и тихо.

ТРАМВАЙНЫЙ НОКТЮРН

Гремящий свет полночного трамвая
Отдастся дребезжанием в ушах,
И я махну рукой, не успевая,
Переведу дыхание на шаг.

Безмолвных пассажиров вереница
Прильнёт носами тусклыми к стеклу...
Светящийся аквариум промчится —
И опустеет дальше, на углу,

Перелистнёт страницу эпилога
И скроется за угол, в волшебство...
Прощай! Да будет гладкою дорога
До сказочного парка твоего!

Там отдых ожидает и культура,
Уборка и мытьё, здоровый сон;
Шатёр депо, как камера обскура,
Укутает тебя со всех сторон.

Но утро в парк приходит непреклонно;
Привычно распахнёт ворота страж...
Трамвай подкатит к остановке сонно,
И мы его возьмём на бордаж.

НЕПРОРОЧЕСКОЕ

В шуме ветра не слышу пророческой речи,
Взглядов дивных не вижу в сиянье росы...
Шишки светятся в дебрях сосновых, как свечи,
Лапы сосен качаются, словно весы.

Меж кустами летает, плутает, плутует
И ерошит верхушки берёз ветерок...
Шум деревьев мне вышнее слово диктует.
Шум деревьев. Не муза. Не бог. Не пророк.

В небе тянутся птички звучащие строки...
Я согласен! Пусть тайны святые свои
Настоящим поэтам нашепчут пророки,
Мне же — птицы, деревья, поля и ручьи.

ВАРВАРА ПРЕМУДРАЯ

По утрам за лесами зелёными
Поднималась заря златокудрая,
На опушке под стройными клёнами
Проживала Варвара Премудрая.

Ей с младенчества боги могучие
Даровали великие знания;
Даже совы и мыши летучие
К ней являлись в ночи на свидания,

Сообщали ей всякие новости,
Уносили домой поучения...
Нет на свете печальнее повести,
Чем рассказ про её приключения.

Только солнце покажется раненько,
Освещая верхушки сосновые, —
Ждёт Премудрая всякого странника,
Дать совет бескорыстно готовая.

Но её избегали с пугливостью,
Говорили о ней со смятением;
Одарил её Велес сметливостью,
Но Ярило снабдил самомнением.

Было случаев раньше немерено:
Если спросят о чём — обязательно
Отвечала Варвара уверенно,
Но спросивших — ругала ругательно.

И бранилась она с ликованием
(Ей такое занятие нравилось):
«Догадались явиться за знанием;
Неужели умишка прибавилось?»

И за что же мне встречи с дубинами
Предназначены Высшими Силами?
Я обычно общаюсь с кретинами,
Но сегодня — и вовсе с дебилами...»

Даровали ей боги могучие
Острый ум и великое знание,
По какому-то странному случаю
Позабыв даровать воспитание.

Как она помогла бы блуждающим!..
Но иссякли навек депутации:
Видно, людям, себя уважающим,
Не хотелось её консультации.

Только совы одни терпеливые
И летучие мыши покорные
Мирно слушали речи сварливые,
Тихо слушали колкости вздорные.

Вот такая судьбина жестокая..
И грустила Варвара, болезная,
И сидела она, одинокая,
И молчала она, бесполезная.

* * *

Мы в юности смотрели про «Три тополя»
И в радостное будущее верили.
И — надо же — в грядущее притопали,
Шагами расстояние промерили.

Из комсомола в двадцать восемь выбыли...
Все пропуска охранникам предъявлены...
Мы из гнезда расколотого выпали,
Но всё-таки доселе не раздавлены.

Отечество ли выбрали, чужбину ли,
Кто это, кто другое исповедует, —
Мы старше поколений всех, что минули,
Мы старше поколений всех, что следуют.

Горят в рекламах буквы валтасаровы
Огромного размера, стометрового...
Мы знаем больше поколенья старого
И много больше поколенья нового.

Без старших землю оставлять не хочется:
Когда уйдёт и наше поколение,
То лишь тогда былое время кончится,
Отрезав все пути для отступления.

ГЕРАКЛ

И бородатый, и мордатый,
За мной при солнце, при луне
Всё ходит, ходит соглядатай,
Царём приставленный ко мне.

Я в схватке бешеной потею —
А он детально, без прикрас,
Доклады пишет Эврисфею
Про то, как выполнен приказ.

Я вновь привычно свирепею —
А тот, кто следует за мной,
Строчит отчёты Эврисфею
Про подвиг мой очередной.

Я просто делаю работу.
Служу. Не замышляю мечь.
Я с детства не обучен счёту,
И мне до дюжины не счесть.

А он-то действует умело,
И я по-прежнему в долгу:
Порой не засчитает дело,
А я проверить не могу.

И царь лукавый и плешивый
Мне, усмехаясь, говорит:
«Ещё не всё. Ступай, служивый.
Немея. Керинея. Крит».

И я ступаю без протеста,
Плачу с избытком по счетам,
Пока отец готовит место
Мне на Олимпе — где-то там.

Вот только сможет ли как надо
Он сосчитать мои дела...
Ну ладно — пособит Паллада:
Зря, что ли, мудрой прослыла?

ДАНТЕ В ВЕРОНЕ. 1316

В изгнании он жил, подобный тени.
Семь лет и семь. Иакова служенье.
Пугал людей рассказом о геенне —
Писал, как будто сам познал сожженье. ¹⁾

Нет, не познал. Но приговор объявлен.
Он видит площадь... алчущие лица...
Костёр... Иль будет просто обезглавлен
Он, как Креститель, если возвратится?

Флоренция, овчарня Иоанна! ²⁾
Флоренция, страдающая ныне!
Осталось в стенах всё, что бесталанно.
Таланты доживают на чужбине.

И лепет Арно не пришлёт дремоту, ³⁾
И колокол Мартино не разбудит... ⁴⁾
Обратный путь — дорога к эшафоту,
И значит, возвращения не будет.

Но труд всей жизни близится к финалу!
Осуждены вельможи и прелаты;
Купцу, монаху, князю, кардиналу
Не скрыться от невиданной расплаты...

Да, на бумаге. Но без снисхожденья.
Он объявил — и нет страшнее мести —
Злодеям итальянским осужденье.
Другим злодеям нет подобной чести.

Но — нет возврата! Гордость не велела,
Встав на колени, вымолить прощенье;
И вот повторный приговор по делу.
Всё тот же: смерть. Не будет возвращенья. ⁵⁾

Возврата нет. О, сколько в этом боли...
В изгнанье каждый день без меры долог.
«Мессир, к вам некий Чекко из Асколи». ⁶⁾
Друг прежних лет, философ и астролог;

Давно забыт — а были как родные...
«Привет, Дуранте! Как живёшь в Вероне?» ⁷⁾
«Привет, Франческо. Лучше, чем иные —
Те, кто не смог укрыться от погони.

Поведай мне, мой друг: по чьей же воле
Ты здесь, где осуждённый обитает?»
«Наместник нынче — Гвидо Баттифолле. ⁸⁾
Он флорентийцев помирить мечтает.

Собрать он хочет всех достойных Белых — ⁹⁾
Не будет никому грозить сожженье.
Заткнул он пасти судей озверелых,
И будешь ты прощён без униженья,

И все дома вернут тебе, Дуранте! ¹⁰⁾
Готовься в путь! Вот письма от синьора —
В них слов немало о твоём таланте,
А вот и акт с отменой приговора».

Неужто — в путь? Неужто в Баптистерий ¹¹⁾
Придёт он снова? И на берег Арно?
«Не ждал. Давно смирился я с потерей, —
Изгнанник обнял друга благодарно. —

Но чем же я так дорог Баттифолле?
И почему ко мне такая жалость?»
«И казнь, и милость — у синьора в воле;
Он у тебя за милость просит малость.

Прочёл он в книжке, что зовётся «Адом»,
На Гверра Гвиди — родича! — хуленья: ¹²⁾
Со свёрнутой главой, охвачен смрадом,
Тот бегаёт по кругу в исступленья.

Ему поставлен гнусный образ страсти
В вину. Другой же Гвиди — да Ромена — ¹³⁾
К поддельщикам причислен, и напасти
Ты на него обрушил дерзновенно.

Исправь же книгу! Удали из «Ада»
Всю злую клевету на графов Гвиди —
И будешь жить безбедно в стенах града.
Граф Баттифолле будет не в обиде.

Исправить «Ад»... Так вот какую цену
Платить придётся за конец гоненья! —
Чтоб после папа пожелал надменно
Какого-то другого измененья...

А после каждый флорентийский Чёрный,
В «Аду» порывшись, сможет возмутиться,
Потребует, настырный и упорный,
Чтоб Данте дальше исправлял страницы...

«Лишь Бог нам знает цену — сколько стоим,
Лишь Он дела сочтёт и подытожит.
Поэт злодеем может быть, изгоем,
Но девкою продажной быть не может.

Останутся все узники Аида
На месте — для грядущих поколений.
Я не приму условий графа Гвидо.
В написанном — не будет исправлений».

Встал возмущённый Чекко из Асколи:
«Я прежде не встречал такой гордыни.
Желаешь ради вздорной книжки, что ли,
Навеки оставаться на чужбине?»

Я гороскоп по просьбе магистрата
Составил для чванливого поэта
И в нём прочёл, что нет тебе возврата,
Когда не примешь предложенье это».

«К чему ты возглашаешь велегласно
То, что любой без гороскопа скажет?
Но знай, мой друг: и я провижу ясно,
Что город наш костром тебя уважит».

И Чекко вышел — первый шаг к геенне...
А Данте видел сквозь завесу ночи
Скитанья, смерть, надгробие в Равенне
И саркофаг фальшивый в Санта-Кроче.¹⁴⁾

ПРИМЕЧАНИЯ

¹⁾ Данте был приговорен Флоренцией к сожжению и стал изгнанником в 1302 г., то есть к 1316 г. был в изгнании 14 лет. Он жил в Вероне примерно с 1312 по 1318 г. Кантика «Ад» завершена в Вероне и опубликована в 1314 г.

²⁾ «Овчарня Иоаннова» (цитата из Песни XVI «Рая») — Флоренция, патроном которой считался Иоанн Креститель.

³⁾ Арно — река, протекающая во Флоренции.

⁴⁾ Сан-Мартино-дель-Весково — приходская церковь квартала, где было имение семьи Данте; в этой церкви он венчался.

⁵⁾ В 1315 г. Коммуна Флоренции принимает решение об амнистии всем изгнанникам — при условии уплаты штрафа и ритуального пожертвования в день Св. Иоанна. В одной из эпистол, адресованной «флорентийскому другу», отвергая унижительные условия амнистии, приняв которые, необходимо было бы признать свою вину, Данте пишет: «Не та это дорога, чтобы вернуться на родину, — но если будет найдена иная, чтобы не затрагивала репутации и чести Данте, то я сразу же ее приму». Пятнадцатого октября того же года Данте вместе с детьми снова был приговорен к смертной казни.

⁶⁾ Чекко д'Асколи (Francesco или Cecco di Simone Stabili d'Ascoli) (1250, по др. данным 1269, Асколи, Романья — 1327, Флоренция) — итальянский поэт и ученый. Был другом Данте. Автор дидактической поэмы «L'Ascrba»; намеревался затмить поэму Данте, наполненную, по его мнению, нелепыми вымыслами и ненужными аллегорическими прикрасами. Его собственная поэма чужда всего этого, но совершенно лишена поэтических достоинств. Усердно занимался астрологией; это обстоятельство послужило, может быть, поводом к обвинению его в ереси со стороны инквизиции. В 1327 г., находясь во Флоренции в качестве астролога герцога Карла Калабрийского, был вызван в суд инквизиции по обвинению в ереси и сожжен в сентябре 1327 г.

⁷⁾ Дуранте — полное имя поэта (Данте — сокращение).

⁸⁾ В 1316 г. неаполитанский король Роберт назначил своим наместником во Флоренции Гвидо ди Баттифолле, графа Гвиди. Была провозглашена для изгнанников общая амнистия, однако на унижительных условиях уплаты денежной пени и принесения публичного покаяния в церкви Сан-Джованни, — обычай, существовавший для помилованных уголовных преступников.

⁹⁾ Данте принадлежал к партии Белых Гвельфов, все сторонники которой были казнены или изгнаны из Флоренции в 1302 г. после победы противоположной партии — Чёрных Гвельфов.

¹⁰⁾ Имущество осуждённых Белых было конфисковано.

¹¹⁾ Баптистерий (церковь Сан-Джованни) — одно из старейших зданий Флоренции, находится на Соборной площади. Данте в изгнании из всех флорентийских строений вспоминал именно «мой прекрасный Сан-Джованни» (“il bel San Giovanni”).

¹²⁾ Дальний родственник графа ди Баттифолли — Гвидо Гверра, граф Гвиди — упоминается в Песне XVI «Ада» как один из тех, кто карается в круге седьмом за склонность к содомии.

¹³⁾ В Песне XXX «Ада» упоминаются два графа Гвиди да Ромена, подлежащие мучениям в круге восьмом за организацию изготовления фальшивых флоринов.

¹⁴⁾ Данте не вернулся во Флоренцию и умер в 1321 г. на пути из Венеции в Равенну. Похоронен в Равенне. Впоследствии Флоренция воздвигла в церкви Санта-Кроче пустой саркофаг в память Данте.

НА АМАЛЬФИТАНСКОМ БЕРЕГУ

Тот же берег, но бушует море,
В этот раз не хочет быть ручным...
От забот далёкое Майори
Нас ненастьем встретило ночным.

Утром буря всё ещё шумела,
Но утихла к середине дня.
Море прояснилось, заблестело,
Окатило ласково меня.

Это — берег радостей несметных,
Это — тот же солнечный покой,
И гирлянды нитей разноцветных
Над почти невидимой рекой...

Спрятана небурная Регина
В тайный мир подземных королев;
Отдыхает узкая равнина,
Под тирренским солнцем разомлев.

В шлёпках, подпоясанный верёвкой,
Шествует под пальмами монах,
И концерт с роскошной оркестровкой
Неизменно слышится в волнах.

Берег нас узнал — и улыбнулся:
На неделю кончились дожди.
Берег тихо к сердцу прикоснулся,
Рассказал, что будет впереди:

Будет бухта с белыми судами,
Лодка с блеском солнца на весле,
Будет Капри с тихими садами
И Святой Марией на скале,

Синева безбрежного простора,
Черепицы яркие цвета,
Блеск Амальфитанского собора
И чудес Равелло высота,

И прощанье; поезд из Салерно;
Утренних пейзажей полотно;
И Везувий невысокомерно
Будет к нам заглядывать в окно...

ПЕРЕВОД ВЕЧНОСТИ

...А только б вечность проводить!

А. С. Пушкин

К чему былое беречь?
Такие уж дела:
Хотели вечность проводить —
Нас вечность провела.

Небес вращенье, словно тать,
Крадёт за часом час...
Хотели вечность распознать —
Она не знает нас.

И чтобы с вечностью разлад
Навеки сгинул в тень,
Часы переведём назад.
На сутки. Каждый день.

* * *

Нет значит нет. На это нет суда.
Шаги воспоминаний нетверды.
Уходят в неизведанность суда,
Сплетая все лады и нелады.

Смыкается морская борозда,
Стекает время в недра борозды...
Сухой листвой осыпались года
На вечное волнение воды.

Свет миража мерцает на волне,
Как пламя, отражённое в окне;
Печальна и прощальна глубина.

И спереди, и сзади — пелена,
А прежних откровений письмена
Неразличимы в пенной седине.

* * *

Скатерть чёрная на праздничном столе...
Мы усядемся и вечер проведём.
День вчерашний отражается в стекле,
День грядущий в стёкла ломится дождём.

Это вечер нескончаем и поган,
Вроде рано — а на улице темно,
Докучает завывание цыган
И горчит в бокалах сладкое вино.

Нас нечётко отражают зеркала,
Нам прислуга не желает угождать.
Кто-то с нами незнакомый у стола,
Но который — всё равно не угадать.

От гадания прибыток небольшой...
Пусть покатится к исходу торжество,
Пусть расплатится неузнанный чужой —
Так и быть, мы не посмотрим на него.

Встретят слякоть нас на улице и грязь,
А чужой сидеть останется в тепле.
Гости новые присядут, торопясь,
К чёрной скатерти на праздничном столе.

* * *

...А ненаписанные строки —
Как невозвратные долги,
Как провороненные сроки,
В тиши пропавшие шаги.

И всё, наверно, это было,
Да я заметить не сумел:
Пылал закат, луна светила,
Ревела буря, дождь шумел...

Но нелегко глядеть обратно,
А вспомнить — даже тяжелей...
Уходят годы безвозвратно
Во мрак альбомных штабелей.

И вот в обычной круговерти
Привычных письменных столов
Я вздумал на зыбучей тверди
Построить пирамиду слов.

Тружусь, не подавая вида,
Что всё строение — на глаз...
Но подрастает пирамида.
Небыстро. По микрому в час.

* * *

То было что-то выше нас,
То было выше всех.

И. Бродский

Найти для молнии мишень
Готовилась гроза,
И плакал безутешно день,
И капала слеза.

Просвета в воздухе сыром
Искал напрасно глаз:
И были молнии и гром
Гораздо выше нас.

Мы всё искали в небесах
И вехи, и ответ,
И на аптекарских весах
Отвешивали свет,

Но — лишь холодная вода
Взамен нездешних вех,
И только тучи, как всегда,
Гораздо выше всех.

Свет молний вспыхнул — и угас,
И не доставил бед:
Нет ничего, что выше нас.
И ниже — тоже нет.

Вверх посмотри и вниз взгляни,
Рукой глаза прикрой:
Есть в мире только мы одни —
И этот день сырой.

ПОКЛОНЕНИЕ

Тогда Ирод, тайно призвав волхвов, выведал от них время появления звезды и, послав их в Вифлеем, сказал: пойдите, тщательно разведайте о Младенце и, когда найдете, известите меня, чтобы и мне пойти поклониться Ему.

Мф 2:7-8

Как тяжела профессия волхва —
Везде, и особенно на востоке;
Здесь люди недоверчивы, жестоки,
И невелик доход от волшебства.

И даже если от Небес дано,
И угадать порой удастся что-то —
Признанья эта тяжкая работа
У пастухов не встретит всё равно.

Печально обходили свой предел
Они в дрянных, засаленных халатах,
Мечтая о палатах и оплатах,
Достойных их умения и дел...

Но загорелась новая звезда!
И три волхва затеяли гаданье;
Открылось им значение сиянья:
Там новый Царь. Пора идти туда.

Вот этот знак, дарованный не зря:
Пойдём искать удачи на чужбину!
И три волхва пустились в Палестину,
Чтоб послужить у нового Царя.

Они узнать пытались прямым
У всех людей подряд в Иерусалиме:
«Так где же новый Царь? Скажите имя!»
И их к царю доставили тайком...

...Они шагали шумно по тропам,
Исхоженным верблюжьими ногами,
Украшив одеянья жемчугами, —
И сотни слуг тащились по стопам.

Их Ирод щедро снарядил в поход —
Послам царя негоже побираться.
А им — до чуда только бы добраться:
Не с тем царём, так с этим повезёт...

Уставлен в небо напряжённый взор,
Возжаждавший сиянья неземного...
Гаспар сказал: «Она исчезла снова».
«Там облачко», — ответил Мельхиор.

Сказал Гаспар: «Развеется оно,
Увидим снова чудное свечение;
Мы выполним царёво порученье —
И поглядим на чудо заодно».

Наскучило нытьё усталых коз,
Верблюды шли медлительно и чванно,
И оставались после каравана
Зола и кости, мусор и навоз.

Звезда порою пряталась во тьме,
Порою снова путникам являлась —
И при её сиянии казалось,
Что виден дивный город на холме.

Всё реже попадался водоём,
Уже овцу последнюю сжевали,
И слуги отставали, отставали...
И вот остались путники втроём.

Куда идти? — возник меж ними спор.
Гаспар: «Направо», Бальтазар: «Налево»...
Но луч звезды коснулся двери хлева.
«Идём туда», — промолвил Мельхиор.

Не много донесли они даров —
Всё прочее растеряно в дороге...
Войдя, они застыли на пороге,
Уставясь на овец и на коров.

Покой, тепло... И кроткий взор вола...
Но где же Тот, кому несли поклоны?
И Мельхиор спросил опустошённо:
«Звезда не той дорогой повела?..»

Сказал Гаспар: «Так что же, Рождество
Не состоялось? И звезда — обманна?
Она нас направляла непрерывно,
Но чуда мы не видим — отчего?»

Ответил Бальтазар: «В хлеву темно,
И я не чаю здесь увидеть света.
Поскольку Ирод ждёт от нас ответа —
Нам чуда, знаю, видеть не дано.

Царь Ирод снарядил в дорогу нас.
Мы шли для выполнения задания,
Не с поклоненьем шли — для пропитанья.
И нам за это воздалось сейчас».

И всё-таки сложили у стены
Свои дары — и прочь пошли уныло.
И их звезда другая поманила,
Уже с другой, восточной стороны...

...Пришёл, спеша за ними, в город сей
Слуга, чьё имя скромное забыто.
Явился к хлеву. Дверь была открыта.
Он всё по вере увидал своей —

И, поклонившись, вновь шагнул во тьму,
Опять пошёл по следу неустанно,
Догнал хозяев возле Иордана
И рассказал, что явлено ему.

Песчаную позёмкою клубя,
Буран погнал скитальцев к переправе...
Они постигли: чудо выбрать вправе,
Кому являть и не являть себя.

Они вернулись к бедности своей,
Их не настигла месть владыки злого...
И записал за ними слово в слово
Позднее всю историю Матфей.

ПЕЧАТЬ

Некстати вспомнил или кстати,
Но холод прошмыгнул душой:
Не кончен День Седьмой Печати —
Лиловой, Круглой и Большой.

Её сурово впечатляют
Неистребимые жрецы —
Она на людях оставляет
Невыводимые рубцы!

Она вгрызается подкожно,
Во плоть груди или руки,
И страшно снять её, и сложно,
И шрамы будут глубоки.

Над ней и горланят, и шаманят,
Звонят без устали и сна...
Но если снять её — настанет
На целом небе тишина,

И опоённые очнутся,
И дверь откроется в тюрьме,
И трубы зычные заткнутся,
И твари скроются во тьме.

* * *

Кому из нас достанет силы
Для похвалы и для хулы?
Стволы исполнены смолы,
Но почерневшие настилы,
Что прежде были так теплы,
Теперь застужены и гнилы.

На них увядших листьев груда;
В былом — метелей череда,
Дожди над леностью пруда...
Лежат на дне добро и худо,
Под чёрным илом — навсегда,
И им не выбраться оттуда.

ЛИЦА ОСТАНОВОК

Ожидание на лицах, ожиданье,
Раздраженье и подавленность — но в меру;
В недалёкое с троллейбусом свиданье
Сохраняют умилительную веру.

Эти лица — и в веснушках, и в морщинах,
Эти к внукам поспешают, те — к урокам,
И на лица в проезжающих машинах
Смотрят вовсе не враждебно, но с упрёком.

Возвышаются, как будто монументы,
И взирают не свирепо, но устало:
Те, кто рядом — не враги, но конкуренты;
Мест сидячих, вероятно, будет мало...

Мне бы тоже надо ехать до зарезу,
Но чужой я среди публики стоящей:
Я в троллейбусную петлю не полезу —
В ожидании маршрутки подходящей.

СМЕНА ЭКИПАЖА

Куда же, куда ты, «Голландец Летучий»?
Неведомых странствий прерви монотонность!
Пусть мир бесконечных неблагополучий
Покажет матросам свою благосклонность.

Пусть выйдут на берег вослед капитану;
Всё будет привычно: туманно и сыро.
Их встретят тюльпаны, тюльпаны, тюльпаны —
И тяжкие диски голландского сыра.

Огни засияют, откроются храмы,
И будут закуски, и будут напитки,
И все разбитные портовые дамы
Матросам загадочным сделают скидки.

Любые улады, любые пороки —
Всё то, чем радушная суша богата...
Останьтесь, останьтесь. Окончены сроки.
Достигнута пристань. Проклятие снято.

И сброшены сходни. Выходят блаженно
На берег матросы походкой бедовой...
Но рвутся другие, толкаясь, на смену —
Уходит «Голландец» с командой новой...

* * *

Посвящается Арсению Тарковскому

Верну на полку книжку Гумилёва
И вновь стихи Тарковского возьму:
От звонкого, пылающего слова —
К негромкому и строгому письму.

Как будто в дом вернулся издалече,
И мне рука ложится на глаза,
И бабочки садятся мне на плечи,
И гимны распевает стрекоза.

Звон неразрывной землемерной цепи,
Напев травы и глубина криниц...
Я вышел в мир из той же Лесостепи,
И свет знакомый льётся со страниц.

Сад городской... тенистая аллея...
Былого детства тайны и уют...
И в камышах струится Сугакля,
Бумажные кораблики плывут.

* * *

Живу.
И жду грядущую листву.
И в разлитую синеву
Почти весеннюю смотрю —
Хоть вопреки календарю,
По существу.

Кивну волхву —
И дивной силой волшебства
Иль по привычке естества
Во сне, а может, наяву
Услышу летние слова,
Увижу — пусть едва-едва —
Сквозь траур снежного вдовства
Траву.

Я к божеству
Не обращаюсь из зимы
И не прошу тепла взаимы,
Из рукава;
Да, озорству
Не место в холоде тюрьмы:
Зима спокойна и трезва,
В ней не бывает шутовства —
Но жду иного рандеву.
Живу.

НОВОЕ БРЕМЯ БЕЛЫХ

Вожди неистовые чёрные
И злые шейхи-азиаты
Свои орудия подзорные
Вперили в сторону заката;
Забыв навек покорность ложную,
Кляня уехавших сагибов,
Освоив технику несложную
Злодейств, обманов, перегибов,
Глотая звуки и грассируя,
Былых хозяев повторяя,
Их самомнение копируя,
В их игры чуждые играя, —
Себе устроили кормление,
Внимая преданным диванам...
И всё нищало население
Под баобабом и бананом.
Одни, потом другие правила,
Друг друга поедая чинно, —
И злую родину оставили
Семейства, кланы и общины,
И им легли дороги дальние
Из стран разбитого корыта
Туда, где лучше, либеральнее,
Туда, где тихо, чисто, сыто.
Для них сыскалось пропитание!
Они живут и колобродят;
Они придут к тебе, Британия,
Они уже к тебе приходят.
Всё сокращается дистанция,
Страна окраску изменяет;
Они тебя уронят, Франция,
Они уже тебя роняют...
Под мощным натиском миграции
Трясётся Запад ослабелый,
И слабый торс цивилизации
Прогнулся под рукой небелой;

Да, бремя белых стало тягостным —
Невыносимо это бремя!
Пришёл конец эпохам благостным,
Грядёт незнаемое время...
Исполнены священной злобности,
Идут носители протеста,
Они осваивают области,
Они захватывают место.
Идут путями метрополными,
Не прибегая к автостопу,
Смеются зло над сердобольными,
Воруют старую Европу...
Идут с реваншем историческим:
Вслед за разведчиком — семейство;
Несут нашествием этническим
Свои законы и злодейства.
Дрожат от безнадёжной хилости
Державы Старческого Света...
И мировой потоп без милости
Сметёт потомков Иафета.

МИССИЯ НЕВЫПОЛНИМА

Те же каляны, те же верблюды, прежняя грязь...
Не получилась миссия белых, не удалась.
Что же тревожить старую рану, что бередить?
Тем, кто гуляет в пробковых шлемах, не победить.
Кончено дело. Втянуты когти. Северный лев
Дремлет, довольный, что отступился, не околев.
Вновь суверенны, вешают шейхи, режут вожди...
В прошлом эпоха бремени белых. Всё позади.
Был ненадёжен, тонок и ложен слой белизны!
Вон на руинах пляшут шаманы и колдуны,
Мнимых союзов Севера с Югом кончился срок,
Каждый правитель — или воитель, или пророк.
Кто-то доволен сытым сиденьем в тесной дыре,
Кто-то — желает в джокеры выйти в давней игре.
Тянутся с юга пыльные бури новых проблем,
В будущей драке вряд ли поможет пробковый шлем.

КОСТЁР ИЗ СНОВ

Снег над крышею порхает невесомо,
А под крышей — комфортабельный ночлег,
И из окон разоспавшегося дома
Сны отсмотренные падают на снег.

А под окнами дорожкой заметённой
След за следом вырисовывает нить:
Там бочком проходит бомж микрорайонный —
Потихоньку, чтоб кого не разбудить.

Жмётся к стенам, озирается с тревогой,
Что-то ищет, укрываясь от луны;
На пустырь идёт — недалёкий, за дорогой —
И сжигает там подобранные сны.

Снам подержанным, к просмотру непригодным,
Применение отыскано — в огонь;
И под небом недреманным и холодным
Дотлевают и дымятся дрёмы сонь.

ПРОМЕЖУТОЧНОЕ

Нависло небо серое уныло,
Взамен лазури — облачный кисель.
Весенняя усталость подступила.
Прохладно начинается апрель.

На фоне промежуточной погоды —
Дождей весенних тонкие штрихи...
Перевели всю силу переводы,
И стихли от усталости стихи.

Пора покинуть тину полутени,
Толкнуть дверную створку в новизну —
И перемена места переменит
Весеннюю усталость на весну.

ВЧЕРАШНИЙ СВЕТ

Клонилось к ночи воскресенье...
И в двери дома моего
Скользнуло что-то лёгкой тенью —
Не существо, не волшебство.

Как завершение недели,
Не запинаясь о ступень,
Вошли — и шлёпанцы надели
Вчерашний звук, вчерашний день.

Вошли спокойно, без опаски,
Желяя рассказать секрет, —
И засветился, словно в сказке,
Вчерашний затаённый свет.

В ночные вымыслы и вздоры
Уже не верю я давно —
Но поплотней задвинул шторы,
Чтоб свет не выскользнул в окно.

СВЯТАЯ ПУСТОТА

Иерусалимская зарисовка

Он не придёт. Не грянут хоры,
Не дрогнет радостно земля:
И путь далёк, и долги сборы,
И неоплатны векселя.

Не рухнут лавки возле двери
От рук неистовых Его:
В торговом обществе на вере —
Неколебимо статус-кво.

Как муравейники, кварталы.
Дорога к храму нечиста.
В глазах и душах персонала
Одна святая пустота.

Безукоризненна сноровка.
Неподражаема муштра.
Картон. Песок. Инсценировка.
Давно привычная игра.

Рокошет в колокольном басы
Рутинна несчислимых лет.
Спектакль идёт. Билеты в кассе.
И даже Богу скидки нет.

НАБЛЮДЕНИЕ

Не дико это и не странно,
Они такие искони:
Сегодня запоют: «Осанна!»,
А завтра прокричат: «Распни!»

Они не злые по природе,
Но слабовольные подчас:
Сегодня сделают по моде,
А завтра выполняют приказ.

ВЫБОР ОБМАНА

Каждый выбирает для себя...

Ю. Левитанский

Вопрос — не о мече, не о дороге,
Поскольку жизнь — не рыцарский роман;
Её порядки и просты, и строги:
В ней каждый выбирает свой обман.

Обман благочестивый — и беспутный,
Обман спокойный — и обман лихой,
Обман суровый — и обман уютный,
Обман хороший — и обман плохой.

У всех обманов — свой покров и норы:
Притворство красок и лукавство слов,
Иллюзия столетий и просторов,
Святой обман высоких куполов.

И край обмана кроется в тумане,
А там, за красм, — страшно и темно...
Так каждый и живёт — в своём обмане;
Сменить обман не всякому дано.

ТАКИЕ ДЕЛА

TANJ — “There Ain’t No Justice”

L. Niven

Что ни лозунг — опять неувязка,
Нету веры словам ни на грош:
«Справедливость» — красивая сказка,
«Просвещение» — коварная ложь.

Редок свет среди полного мрака,
Правосудье погрязло в тщете,
А святая за равенство драка
Всех равняет в одной нищете.

Мне того, что досталось, довольно
(Я и с худшей судьбою знаком)...
Лишь бы мир не лупил слишком больно
По моей скорлупе молотком.

КЛИНОПИСЬ

Хоть поперёк пиши, хоть вдоль,
Всё — в пропасть очага.
Бумага — вздор. Бумага — ноль.
Бумага — недолга.

И чтобы время не смогло
Разрушить храм души,
Берись за глину и стило:
Всё врут карандаши.

В бумаге нету божества:
Пиши на ней нули.
Лишь клинописные слова —
Как в небе журавли...

НОВОЕ О ВИЕ

Под насупленным небом, в разгуле стихий,
Запинаясь, плетётся оборванный Вий
И кричит: «Поднимите мне веки!
Помогите слепцу... не жалейте гроши...»
Но никто не подаст — нету доброй души,
И смеются над ним человеки.

До чего же беднягу века довели!
Он в отчаянье вышел на свет из земли
И склонил исхудавшую выю.
Злые слёзы текут по стальному лицу...
Но никто не подаст — ни бомжу, ни слепцу,
Даже старому нищему Вию.

Поистрачены силы, прошли времена,
И глумится над старым уродом шпана,
Нет в помине величья былого...
Верно, снова под землю пора уползать.
Только что же Кощею он сможет сказать,
Как ответит за скудость улова?

* * *

Нет, не узнает этого она,
Поскольку почта забастует сразу,
Как только прочитает эту фразу
Конверта потайная сторона.

Чтоб путь отрезать этому письму,
Обрушатся мосты и эстакады,
И даже встанут дыбом автострады,
Не подчиняясь долгу своему.

И трели телефонного звонка
К ней не домчатся никакой тропею,
Не прозвучат печальной трубою,
Ни даже слабым пением рожка.

Бумага задымится под строкой,
Шнур телефонный зашипит бикфордом,
И клавиши упрутся с видом гордым,
И жёлтый свет померкнет городской.

Не вздумай! Не звони и не пиши.
Путь перекрыт для пагубного слова.
Пускай узнает — только от другого...
Хоть этого греха не соверши.

КОРЯВАЯ ДОРОГА

На дальний край заснеженного поля,
На дальний край растерянной судьбы,
Где имени не спросят и пароля,
Где вместо врат замшелые столбы, —

Туда идёт корявая дорога,
Протоптанная кем-то впопыхах:
Как будто след жестокого ожога,
Как будто строчка лишняя в стихах.

Под гнётом туч не чувствуешь простора,
Средь поля — ощущаешь тесноту...
Но кое-где от главного протора
Сбиваются тропинки в темноту.

Здесь те, кому обрыдла ночь слепая,
За дальним светом в призрачном окне
Пошли, в снегу по пояс утопая,
И проложили тропку в целине.

Пойдём и мы на подвиг бестолковый;
Во тьме надеясь отыскать тайник,
Вот так, сойдя с дороги тупиковой,
Проложим тропку новую.
В тупик.

ВВЕРХ, ДО САМЫХ ВЫСОТ

Чтоб совершить предписанный подъём,
При ярком свете и в кромешной мгле,
Топча других в усердии своём,
Ползут, ползут улитки по скале.

И этот путь страданию сродни:
Немногим удаётся доползти;
Десятками и сотнями они
Свергаются в пучину по пути.

Но кто пройти сумеет этот путь —
Окажется превыше всех высот,
И вскоре на вершине кто-нибудь
Улитку обязательно найдёт.

Он выбросит брезгливо слизняка,
Ракушку сунет бережно в карман —
И вскоре, пробивая облака,
Отправится в полёт за океан.

Да, славный жребий ожидает ту,
Которая взберётся выше всех!
Ей небо даст в награду высоту.
Надмирный взлёт. Невиданный успех.

ТАЙНА

Он шёл, плутая в спутанном сгущении
Ветвей, где и тропинка не видна,
И отыскал при тусклом освещении
На сонном камне злые письма.

Над головой галдящими, кружащими
Пернатыми закрыта синева...
И, мох срывая пальцами дрожащими,
Он разбирал и буквы, и слова.

Скользил глазами по строкам, пропитанным
Надменностью, — и, с холодом в груди,
Он с каждым слогом, вскрытым и прочитанным,
Яснее видел то, что впереди.

Немного постоял над обещанием
Суровым. Взял из сумки долото
И сбил слова жестокие со тщанием,
Чтоб больше не увидел их никто.

Колючею чащобою и вязкою
Тропою он вернулся на большак...
«Волшебный камень оказался сказкою», —
Так говорил он после. Только так.

НА СВЕТУ

Не ищу для Вселенной меру я
Или цену звонкой монетой.
Я иду по жизни, не веруя
Ни во что, кроме жизни этой.

Нет доверия Вадемекуму,
Не готовит судилища Минос,
И очки подсчитать нам некому —
Те, что в «плюс», и которые в «минус».

Не грузи небеса заботами
За тобой вести протоколы —
Лучше сам занимайся расчётами:
Хоть какая-то польза от школы.

Пусть шаманы взывают и ратуют,
Расставляя силки поучений,
А трава и деревья радуют —
И не требуют столоверчений.

Суеверие стало модою..
Но, далёк от игр благодетельных,
Я в слова играю с природою,
И пока что игра — на равных.

В небесах — золотая феерия,
А не древних обманов тенёта.
Освежающий свет неверия
Не даёт провалиться в дремоту.

* * *

Он явится когда-нибудь на суд,
Довольный тем, что справился, сдержался.
Не ляпнул. Отсиделся. Отлежался.
Убрал слова неверные под спуд.

Был тих и скромн. Соблюдал статут.
Бездумно рифмовать не покушался,
Марать стихом бумагу не решался...
Но он войдёт — и судьи изрекут:

«Гляди — ушёл прощённым арестант,
Что не сносил за рифму головы,
Что небо прогневил неточным словом.

А ты — молчал. Ты закопал талант.
Всю жизнь боялся судей и молвы.
И будет приговор тебе суровым...»

ПАМЯТИ ПОГИБШЕГО ДРУГА

Опасен мир и бестолков,
Несправедлив и нерадив.
Дверь запирай на сто замков,
Жизнь от судьбы отгородив...

Когда же Случай, подлый смерд,
Дверь грубо выставит плечом —
За ним войдёт смурная Смерть,
Смущённо, словно ни при чём.

И двери больше не закрыть,
Вчера и завтра не связать.
И будет некого корить,
И слово некому сказать.

В ДОЛГУ

Абстракция

Ты никогда не будешь квит —
Не хватит смет.
Долг неоплатен. Путь открыт.
Зелёный свет.

Да, тяжек груз, невесел путь,
Тропа длинна —
Но о расплате позабудь
На времена.

Не так уж древен этот рок,
Не так уж нов.
Не так уж долог этот срок —
Не дольше снов.

Идёшь дорогой не туда,
Не с той ноги.
Отдать не сможешь никогда
Твои долги —

Ни на бегу, ни на торгу,
Ни по любви..
Так и останешься в долгу.
Так и живи.

* * *

И первый, и последний дни творенья —
Для клятвы непригодные предметы.
Предсказывают верные приметы
Недолговечность вольного паренья.

Звезда висит бездумно, легковесно
На небосводе скользком, запотелом,
Скучна и занята привычным делом —
И ею клясться тоже бесполезно.

Не сыщется второго входа в реку,
И не дадут опоры заклинанья
Ни духу позабытого изгнанья,
Ни ждущему изгнанья человеку.

Но всё же к нашим будням сумасбродным
Порой снисходит небо благосклонно —
И клятвы, и проклятия, и стоны
Глотает с вожделением голодным...

НАБЛЮДАТЕЛЯМ НОВОГО ВЕКА

Наблюдатели нового века,
Вы наивны, умны, вдохновенны —
И в летах молодых, и преклонных —
Толкинисты, поклонники Эко,
Знатоки «Камасутры» и дзэна,
Сочинители строк электронных.

Вы, в своих многочисленных странах
Предаваясь пустой писанине,
Продолжаете верить, похоже,
В то, что буквы на ваших экранах
Беспокоят властителей ныне
И потомкам припомнятся позже...

ВОЛКИ

Исполнены жестокости и злобы,
Четыре волка вышли из чащобы.
В разгар бесснежной гибельной зимы
Их выгнал голод из привычной тьмы.
Из лесу прочь ушли без сожаленья
И распрощались около селенья,
Проделили лазейки в городьбе,
И каждый выбрал участь по себе.
Один нашёл курятник, полный птицы,
И стал без промедления кормиться,
Другой, сыскав ближайший скотный двор,
Там учинил злодейство и разор,
А третий влез в прохладный мрак подвала
И взялся за колбасы и за сало.
Четвёртый главной площади достиг
И человеком обернулся вмиг,
«В селенье волки!» — заорал во тьму,
И все сельчане бросились к нему.
На запах волчий у него чутьё:
У трёх волков закончилось житьё...
Стал старостой четвёртый из волков
И из лесу призвал своих щенков.

А ЛЕТА ЗА НАМИ...

А літа за нами —
Як мости,
По яким нам більше не ступати...

М. Томенко

Продолжает тусклое табло
Аккуратный счёт прошедших лет,
А лета за нами —
мутное стекло:
Сквозь него не разглядишь рассвет.

Мы с галёрки движемся в партер —
Всё идёт как надо, как у всех...
А лета за нами —
бархатный барьер,
За которым спрятан детский смех.

Как рука на пульсе холодна!
И всё реже дождь по четвергам...
А лета за нами —
словно пелена,
Словно дым, что стелется к ногам.

Лупит в щёки снежная крупа,
Что ни год — то злее холода...
А лета за нами —
узкая тропа,
А вокруг — пустыня без следа.

Зеркала не льстили и не льстят;
Лучше повернуться к ним спиной...
А лета за нами
радужно блестят,
Как зеркал осколки под луной.

ПРЕВРАТНОСТИ ВЫБОРА

Такое уж на свете нестроение,
Что выбору другому не бывать:
Всего лишь три доступных настроения —
Унынье, радость или «наплевать».

Нам радости, увы, не причитается,
И, значит, выбор вовсе невелик.
Как славно голосится, причитается
В компании испытанных калик...

Чтоб не давать свободы безначалию,
К исхоженному берегу причаль:
На выбор — наплевательство с печалию,
И мы привычно выберем печаль.

У нас такое мировосприятие,
Как будто в доме проживает волк.
Жалеть себя — обычное занятие.
Печалиться — призвание и долг.

Такая неизменная позиция:
Уныние и грустная ленца...
А может, переменится традиция?
Придётся слёзы вытереть с лица?

С печалью соли тоннами отведено —
Она своя, и мы привыкли к ней.
Чужда невозмутимость, неизведанна,
Она пугает новизной своей,

Она подобна двери опечатанной:
Там жребий странен и судьба слепа...
Но к радости, запретной и запрятанной,
Лишь сквозь неё есть тайная тропа.

НЕКОМПЛЕКТ

Нам апостолов не назбирати й восьми...

Юрій Іздрик

Обыденность. И серость. И усталость.
Нам не везёт. И прежде не везло.
Всё дело в том, что здесь уже осталось
Апостолов неполное число —

И в том причина всех других нехваток.
Дошла, как шелест, неблагая весть:
Их с нами рядом разве что десяток...
Да нет, куда там! семь — а может, шесть.

А где другие? Это неизвестно.
Им опекать нас стало не с руки,
И неуютно, и неинтересно:
Разруха... грязь... дороги... дураки...

«Вы там ещё? Бросайте их, ребята!» —
Призыв других летит издалека...
А наши — только вздрогнут виновато,
Но не уходят. Всё ещё. Пока.

Но нет, уйдут — сначала те, кто слабы, —
Туда, где у людей цветные сны.
И как сберечь нам парочку хотя бы —
Таких, которым мы ещё нужны?..

ЮЖНЫЕ ШТАТЫ

Под бременем всякой утраты,
Под тяжестью вечной вины
Мне видятся южные штаты —
Еще до Гражданской войны.

Д. Быков

Я романы читал и трактаты
Про ушедший размеренный век —
Но не нравятся южные штаты;
Не помогут ни Скарлетт, ни Гек.

Мне не нравится вечный порядок,
Каждый город — как тихий острог,
Мне не нравятся бремя оглядок
И с небес надзирающий бог,

Тишина и спокойствие тины,
Разум плётки и совесть кнутов,
И рабы заскорузлой рутины —
Все южане, обоих цветов,

Ежедневная пыльная скука
И молитва в назначенный час,
Лицемерия вечная мука
И соседский внимательный глаз.

Тот, кто хочет такого покоя,
Строит храм на зыбучем песке...
Это худшее кредо людское —
Поклоненье стабильной тоске.

ПОГРАНИЧНОЕ

Пограничной водой наливается куст...

И. Бродский

Открылась дверь скрипучая с натугой,
Отгиснуты печати в паспортах...
Весь переход давно засыпан вьюгой,
И так белы ушанки на кустах.

Не каждого пропустят на границе —
Устроены проверка и отбор,
И на кордоне зорко смотрит в лица
Молодцеватый бдительный майор.

А за спиной товарища майора —
Замшелый столб, заржавленный флагшток...
— Идите, — говорит он, — вдоль забора,
А мы за вами проследим чуток.

Да, повезло. Пустили нас сегодня,
И мы идём в обычной суете
Из хмурой темноты предновогодней
К желанной — новогодней! — темноте.

Идти туда недолго. Хватит силы.
Мы будем там, наверное, к утру.
Мы здесь покинем всё, что раньше было.
Мы там найдём такую же муру.

Но не сравнится жалкая неволя
С охотой к перемене лет и мест!
А там — нас не догонит пуля в поле.
И бог не выдаст. И свинья не съест.

ВЕЧЕРНИЕ БЕСЕДЫ

Нет, я не очень дорожу
Таким сомнительным досугом:
Я вечерами в Сеть вхожу
И разговариваю с другом.

Он, видно, чей-то виртуал —
Сокрытый дух в эфирном теле, —
Но я пока не угадал,
Кто пишет мне на самом деле.

Он явно обожатель книг:
Любитель книжных выражений...
Скрывает имя. Только ник.
И — никаких изображений.

Беседе, кажется, не рад,
Порой дурачит и туманит
И отвечает невпопад —
Наверно, чем-то очень занят.

Его слова — порой умны,
Порой досадны и банальны,
Примеры — иногда темны,
А чаще — просто тривиальны,

Стихи — бездонны, как вода,
Прозрачны, словно акварели;
Но ложен вывод иногда,
А вести просто устарели.

Готов пожертвовать собой —
Он это пишет постоянно.
(Считать ли это похвальбой?
Я не считаю. Хоть и странно.)

Он пишет: всё уже постиг,
И нету для него загадок,
И близок, близок светлый миг,
И установится порядок...

Сижу и вглядываюсь в тьму
Перед экраном, словно бездной;
Пишу: «Все планы — ни к чему.
Попытка будет бесполезной.

Тебе, конечно же, видны
Все наши беды и недуги.
В том, что творится, нет вины
Твоей; не будет и заслуги.

Стекут усилья в решето.
Нет смысла, и не будет шанса.
Прошу: забудь. Оставь. Ну что
Тебе до нас?» Конец сеанса.

О МАЯТНИКЕ

И кажется, что всё напишется,
Что время вовсе не потеряно,
Что острый маятник не движется
С высот размашисто-размеренно...

Сменились толки и течения,
И постулаты, и обычаи;
Часы сменили облачение,
Сменил и маятник обличие.

На улице — опять распутица,
Долготы лаются с широтами...
И что-то бестолково крутится
В часах настенных с «наворотами».

ЧТО И ТРЕБОВАЛОСЬ...

Звёзды тихонько стучатся в окно,
Но безответно по стёклам скользят.
Как бы припомнить, что было дано,
Если известен уже результат?

Я забываю про то, как жилось
(Снова звезда промелькнула в окне)...
Кажется, что-то в ответе сошлось —
Значит, условие было по мне.

Я на стекло не спеша подышал;
Вытер, впуская простуженный свет...
Может, я что-то другое решал
И подсмотрел потихоньку ответ?

Хочешь удачи — однажды отмерь:
Долгие счёты — пустые труды.
Нету задачи важнее теперь,
Нежели путь открывать для звезды.

НОЧНОЙ СВЕТ

Кочует ночь по улочкам кривым,
Жильё людское ограждают шторы,
И светом ровным, ложным, неживым
Сияют магазины и конторы.

И в храме — тишина и пустота,
Нет ни приюта, ни тепла свечного...
Обычный холод города ночного.
Дежурный свет, закрытые врата.

Сквозь этот холод мы идём одни,
И лишь рука твоей рукой согрета.
Рассвет погасит ложные огни,
Но как дожить до этого рассвета?

ПАРСИФАЛЬ

Я вышел в ночь на переломе
Былых и будущих времён,
Забытых пламенных имён
Сияли буквы на шеломе.

Вела дорога через скалы
Туда, где светлая гора;
Навек закончилось вчера,
Но завтра всё не наступало.

А я твердил свои обеты
И путь держал на перевал —
И постепенно забывал
Былые, ложные приметы.

Гора далёкая, седая
Меня манила белизной,
А мир стелился подо мной,
Моёй защиты ожидая.

И я застыл на кромке льда...
Откуда голоса, откуда?
С вершины призывало Чудо,
А снизу — чёрная беда.

Судьбу провидя в белизне
И верный данному обету,
Я выбрал путь к вершине, к Свету...
И мир заплакал обо мне.

ЗЕРКАЛО ГУИНПЛЕНА

Я тебя не люблю.
Я прекрасней не знала уroda.
О. Гришина, «Новый Гуинпен»

Рот хоть завязочки пришей.
А я привык уже. Как странно.
Ну почему ты, Джозиана,
Меня не выгонишь взащей?

Явился я к тебе незвано,
Добрёл, как путник к миражу...
Но нынче — знаешь, Джозиана, —
В тебя, как в зеркало, гляжу:

Твоё лицо теперь — как рана,
И искривлён, как сабля, рот...
Ты мне подходишь, Джозиана.
Я — твой единственный урод.

* * *

С кого спросить за разбазаренное время,
Кто нам ответит за привычные потери?
Мы не по теме говорили и не с теми,
Не дал никто нам по неверию и вере.

Но есть у каждого надёжная синица,
Земная ниша и удобна, и знакома,
А те, которые желают нам присниться,
Должны сначала записаться для приёма.

Мы не пропали и почти не постарели,
Те бессердечны, а другие безголовы...
Но вслед мальчишке, что играет на свирели,
От нас всё далее уходят крысоловы.

ОДЕССКОЕ

Как смутно вспоминается. Как ярко.
Синеет море, как во сне цветном.
Акации шевченковского парка.
Зелёный шум эстрады за окном.

Одни лета (я здесь не жил по зимам,
Но летом — к морю. С мамой. Каждый год).
И этот город был всегда любимым.
Там жили те, кто больше не живёт...

Остались дома хлопоты и хвори,
Смешные беды, зимние дожди...
А мы на пляже. Перед нами море.
И лето — лето — лето впереди!

Парк — центр Одессы. Для меня, конечно.
Но дальше — тоже город не чужой.
И мы гуляем славно и неспешно
По Арнаутским — Малой и Большой.

Как старые названия заняты!
Мне бабушка твердит: «Не отставай!
Здесь по Почтовой прямо до Канатной,
А там идёт до Греческой трамвай».

Дворы, где запах пригоревшей рыбы
Перемежался запахом цветов,
И берега неспешные изгибы,
И Порт. На свете нет других портов.

Был в комнате — приюте книголюба —
Открыт балкон. И там я засыпал
Под музыку вечернюю из клуба
(Соседний двор, открытый кинозал).

Дан занавес в давно забытой пьесе,
И прошлого уже не воскресить.
Мне чудится: я родился в Одессе.
Не помню сам. И некого спросить.

ДОМ

Четыре года словно миг прошли.
Уже забылся тот хрущёвский дом.
Его до основания снесли,
А мы живём. А мы пока живём.

И, кажется, привыкли с давних пор,
Что за окном уже не полумгла
Кустов, а светлый долговязый двор,
А вдалеке — Поклонная игла.

Струятся дни сияньем типовым,
И фарами сверкают вечера;
Двор способом квадратно-гнездовым
Машинами засеян до утра.

Две тысячи затерянных миров,
Две тысячи домашних алтарей...
А вот и мой несокрушимый кров
За гранью металлических дверей.

На самой тихой из семейных сцен
Творится благоденствие моё...
И о себе вещает из-за стен
Соседей разношёрстное житьё.

Живёт один, без бабы, без родных,
Сосед — простая русская душа.
Он въехал в дом позднее остальных
И схоронил папашу-алкаша.

Он смирен — но относится, увы,
К совсем уже другому типуажу:
Несётся душный аромат травы
Из логова его по этажу.

А снизу проживает сатанист,
А может, наци. Были времена:
Ночами хэви-метал, голосист,
Звучал. По счастью, нынче тишина.

В субботу по утрам я слышать рад
(Хоть рано просыпаться очень жаль),
Как чьи-то дети наверху шумят,
Терзая кулачками рояль.

Внизу — площадка детская, цветник,
И малыши пищат, съезжая с гор;
С утра гребёт старательный таджик
То снег, то листья, то бумажный сор.

Мой дом. Моя родная сторона
Теперь — и, вероятно, навсегда.
Мне так тепло у этого окна,
Куда стучится иногда звезда.

НЕКАЛЕНДАРНОЕ

Как говорится, всё элементарно:
Не слушая ни мудрых, ни плутов,
Живу я просто и бескалендарно,
Ни маслениц не зная, ни постов.

Мне в долю перепали от Вселенной —
Залогом тишины и синевы —
Свой пост (хоть невеликий, но бессменный)
И масленицы (редкие, увы).

Из графика, привычки и цитаты
Кумира для себя не сотвори.
В чужих пирах своей не сыщешь даты.
Лукавят святцы. Врут календари.

* * *

В покорной церкви молится ханжа.
В его руке зажата свеча —
Оплавленным подобием ножа,
Пылающим подобием меча.

Земля ему подвластна одному,
А с небом — он поладит без труда.
Ему прощенье свыше ни к чему:
Он сам других прощает. Иногда.

Реляции победные звучат,
Крест осеняет ханжескую спесь,
А церкви покорённые молчат,
Как будто им важнее то, что здесь.

Господь глядит с тоскою на кресты...
И где-то там же, рядом, в двух шагах,
С печалью той же, с той же высоты
Глядит на полумесяцы Аллах.

И, облачившись в гостевой наряд,
Они идут друг к другу без затей.
И пьют зелёный чай. И говорят
О жалком бессердечии детей.

ХИМЕРЫ

Восточные люди бормочут о чуде,
но вся их возня — мишура:
Лишь карма поманит — «ом мани» обманет,
и харя у Кришны хитра.

А Шива от скуки несчётные руки топырит,
как злобный паук,
Глядит наглогато — и страшно от хвата
таких загребающих рук.

Лихие бахаи, Конфуций в Китае,
японская древняя Мать...
Такие мученья — освоить ученья!
Уж лучше пойти подремать.

В нирване упрямо сидит Гаутама,
взирает на землю, незрим;
И полная драма — ученье ислама...
Но лучше о том умолчим.

Восточные веры — сплошные химеры
(и прочие тоже, увы);
Тюрбаны, бурнусы... — на всякие вкусы
наряд и убор головы,

Но если, ребята, тюрбан тесноватый —
нелёгкое будет житьё.
Ищите же веру себе по размеру. Ищите, ищите её.

КОЕ-ЧТО О НОКТЮРНАХ

Когда горит родная хата
Под непрерывный громкий туш,
Играть ноктюрны странновато
На струнах обожжённых душ.

В преддверье крупного пассива
Напевы удручают слух;
Играть ноктюрны некрасиво.
Не это подымает дух.

Свет не вернётся безвозмездно
Ни к скрипачам, ни к трубачам...
Играть ноктюрны бесполезно.
Пусть будет тихо по ночам.

КУЛИНАРНОЕ

Стихов сочиненье — не волшебство,
А дерзкое воровство.
Поменьше претензий на мастерство,
Побольше на озорство,

Пореже ищи самый светлый путь,
Почаще лесную тень,
Пореже ищи коренную суть,
Почаще вчерашний день.

К чему философская глубина?
Нужней прошлогодний снег,
И роскошь словесная не нужна,
А нужен пустой сусек.

Немного воды набери в решето,
Пусти по тропе клубок...
Не выйдет из печки пирог — зато
Получится колобок.

СВОИМ ЧЕРЕДОМ

Александрю Асманову

К чему иступление, и громкие клики,
И тысячи ржавых гвоздей?
Нам дороги скромные, близкие лики
Живых и ушедших людей.

Пусты и обманчивы все назиданья,
И в кровь обратилось вино.
Не ждём мы трубы о конце мирозданья —
Труба протрубила давно.

Привычное горе — вовек неоплатно,
Не найдена горю цена...
А кровь исчезает в земле безвозвратно:
Земля для того и дана.

Не шепчутся ветви нездешнего сада,
Не кличет возвышенный глас...
Никто нам не даст ничего — и не надо.
Никто не в ответе за нас.

Никто не поможет извечным сиротам.
Приходится строить свой дом
И праведно жить не с далёким расчётом,
А просто — своим чередом.

* * *

Знатоки откровением делятся,
Что вернутся ещё холода,
И снега по дорогам расстелятся,
И печально застынет вода.

Сколько раз — прилагая старания,
Что не слишком-то были нужны, —
К нам весна приходила заранее,
Раньше верного срока весны.

Что ж, опять будем ждать потепления —
Всё же будет, наверно, оно,
И лукавое солнце весеннее
Снова искоса глянет в окно.

О ВОДЕ И ВИНЕ

Абстракция

Есть ли в мире хоть пара нетронутых мест,
Где вода, словно правда, чиста?
В южном небе сияет незыблемый Крест,
В небе северном — нету креста...

Те, кто в южных державах живёт под Крестом,
На него не глядят всё равно —
Смотрят в тёмную воду, мечтая о том,
Чтоб вода превратилась в вино.

Ну а те, кто на севере, смотрят на гвоздь
Одинокой Полярной звезды,
Ощущая озноб и бессильную злость,
Хмурый взгляд отводя от воды.

Но кого же винить в недостатке гвоздей
На скрипучей оси, в вышине?
Две Медведицы плещут водой на людей,
Не желая и знать о вине...

YESTERDAY NEVER DIES

Ещё не умер вчерашний день,
Хоть время его прошло.
Он бродит в кепочке набекрень
И с плеером наголо.

Я с ним встречаюсь по вечерам
На площади, у ларька,
И он, не любящий мелодрам,
Проходит, кивнув слегка.

А рядом — трасса, шумный район,
Машин и людей полно,
И то, что слышит в плеере он,
Немногим слышать дано.

Но мне до техники дела нет,
Наушники ни к чему.
Я слышу в шуме пришедших лет
Всё то, что слышно ему.

Покуда, громче гимнов и месс,
Продляя часы щедрот,
Дассен бессонно поёт с небес, —
Вчерашний день не умрёт.

ЧЕЛОВЕК С ПЕСОЧНЫМИ ЧАСАМИ

Время ль горевать над волосами,
Если непорядок с головой?
... Человек с песочными часами
Ходит по дороге столбовой.

На лице суровость напускная —
Он изображает судию...
Я его, наверно, с детства знаю,
Но не очень часто узнаю.

Он и попечитель, и смотритель,
И хранитель нынешних времён,
И его минутаизмеритель
«Ролексовым» знаком заклеимён.

В миг мороза и в минуту зноя
Совершает он переворот...
Но ничто не вечно под луною,
И устройство ускоряет ход.

Дело обстоит ужасно скверно,
Это видно даже на глазок:
В дырку незаметную, наверно,
Из часов просыпался песок.

И частит, как злая канонада,
Тиканье несущихся минут,
И бедняге в наше время надо
Слишком часто совершать твой труд.

Мы живём, ускоренно старея,
И песок кончается почти...
Время надо починить скорее.
Где бы время на ремонт найти?

ШРАМ

Другое начало чаётся
За гранью утихших драм,
Но прошлое не кончается —
Такой бесконечный шрам.

Высок порог преткновения,
И тягостен груз досад,
И сны не дадут забвения —
Но могут вернуть назад.

Скрипучими переходами
(Дрожит под ногами гать),
Зыбучими эпизодами
Отправится память вспять.

Наутро — покой почудится,
Срастутся разломы плит.
Забудется всё. Забудется.
А шрам всё равно болит.

МИР НЕ ПО МЕРКЕ

Александрю Асманову

Вокруг порядка ни на грош, повсюду ждёт подвох,
И каждый встречный — нехорош, а поперечный — плох.
Во всю озлобленную прыть и из последних сил
Свой мир привыкли мы корить — он это заслужил.
Клянём за множество препон и недобор защит,
За то, что неуютен он и не по мерке шит,
Наш мир, где счёты — по нулям, где зря горит глагол,
Где Бог давно к другим делам от наших перешёл,
Наш мир, где солнце и луна, где слёзы и стихи,
Где днём синее вышина, где сумерки тихи.
Нам так привычно клясть его за то, что он такой,
Что в нём две ценности всего — надежда и покой.
Миры не строят на заказ. За ропот и укор
Мир не обидится на нас. Терпел же до сих пор.

ТВОРЕЦ

Постылый август, плачь о Босхе...

А. Габриэль

Цветаи исписаны доски,
Блестит на подсвечнике воск...
Какие там дюреры, босхи?
Забыты и Дюрер, и Босх.

Не в доме, бунгало, квартире —
Живёшь ты и ночью, и днём
То в старом, изношенном мире,
То в новом, весёлом — своём.

В том, старом, — *присутствовать* надо,
Другой — ты творишь для себя:
Там ветви весеннего сада
Тебя обнимают, любя,

Гурьбою толпятся апрели,
И с ветром летит вокализ...
Не Босх, а «Весна» Боттичелли,
И сад — просто сад, не маркиз.

Попасть в этот мир — нелетально,
Но это — главнейший полёт.
Реальность? она нереальна.
А серость? пускай подождёт.

Ты верен своей сверхзадаче,
Твой мир удивляет теплом...
А бог не смеётся, а плачет.
Ну, впрочем, ему поделом.

ПОЖАРНОЕ

Тепло и свет... Ты над землёй паришь...
Но если тьма приходит с холодами,
Ты жжёшь мосты. Порою жжёшь Париж.
И чёрный дым кружит над городами.

Горят места незабываемых встреч,
Былое чувство в пепел прогорело...
Приходит холод — значит, надо жечь
Бумагу, дружбу, слово или дело.

Холодный ветер с четырёх сторон,
И пусто в расписании прибытий...
С надеждой на тебя глядят Нерон
И добрый, как отец, брендмейстер Битти.

МОСКОВСКИЙ БЕС

Нам бес упорно путает следы,
А нам-то, в общем, всё равно куда...
Мы забрели в Кремлёвские сады,
И сразу — Поварская Слобода.

Не видим в этих каверзах беды,
Хождения наши — вовсе не беда.
Лишь миновали Чистые пруды —
Блеснула москворецкая вода.

Но главное, что мы с тобой вдвоём,
И безразлично — площадь или лес;
Нам этот город — как уютный дом,

Он полон удивительных чудес,
И мы дорогу как-нибудь найдём.
А если что — поможет добрый бес.

* * *

Из какой-то дальней дали
Сквозь туманное стекло
Льются речи про печали
На текущее число.

Домового схоронили —
Дом остался сиротой,
И вздымает клубы пыли
Ведьма ветхою фатой.

Круг, распятый в квадратуру,
Грустно смотрит из угла,
Неразменную купюру
Разменяли догола...

Жизнь — занятная вещица:
То смешней, а то скучней...
Как бы только научиться
Не тревожиться о ней?

КАПЕЛЬКА СЧАСТЬЯ

(«Бу нэмт мэн а бисэлэ мазл»)

Еврейская народная песня. Переложение с идиш

Где сыщется капелька счастья,
Где каплю удачи найти?
Крутись, колесо, поскорее
И счастье моё возврати.
Должно быть всё поровну в мире,
И поровну людям везти...
Ой, так где же нам капельку,
Малую капельку
Счастья на свете найти?

А люди спешат за удачей,
Бегут за удачей своей,
А люди уходят за счастьем
Куда-то, где солнце теплей.
Но даже красивый и юный
Не встретит удач на пути...
Ой, так где же нам капельку,
Малую капельку
Счастья на свете найти?

* * *

Мысль о смерти приходит чаще, чем почтальон...

О. Гришина

Что о смерти размышлять? Всё равно придёт, зараза,
В срок, назначенный не нами, — невзирая на чины.
Но пока ещё печать не стоит в углу приказа —
Ни лавина, ни цунами, ни кондрашка не страшны.

Чтобы не было звонков — отключайте телефоны,
Не вставайте на колени, чтобы не было тоски;
Жизнь — скопление пустяков: то лапша, то макароны,
То сплошное потепление, то сплошные ледники...

Ждёшь даянья по делам — не дадут и половины,
И досада, скорчив мину, поджидает у ворот...
Как говаривал Хайям, все мы сделаны из глины
И уйдём опять же в глину. Вот такой круговорот.

Я скандалов не люблю — и гневить не стану бога,
И глядеть не стану косо, и ломиться в кабинет...
Об одном его молю — и прошу совсем немного:
Чтоб на все мои вопросы отвечал ни «да», ни «нет».

* * *

На землю не вдруг небеса упадут,
Но всё-таки скажется вес,
И даже Зураба ваятельный труд
Не станет опорой небес.

Херр Питер взмахнёт на прощанье письмом —
И ляжет кораблик на дно,
И дёрнутся кадры, как будто в немом
Плохом чёрно-белом кино.

Опустится небо увядшим зонтом,
Блеснёт напоследок луной...
Но нынче — сидят на крылечке златом
Король, королевич, портной,

Спокойно плывут над землёй облака,
Весной расцветает сирень,
И в нашем затерянном мире пока
Ещё не закончился день...

WIKIFATE

Мы прочли древнейшие преданья
и решили поразмыслить — где б
Отыскать нам новое издание
Книги Судеб (или же Судеб)?
В ней — про всех, живущих на планете,
и про тех, кто спит бессрочным сном...
Мы искали Книгу в Интернете,
потому что *всё найдётся* в нём.
Оказалось: нет её в помине...
Но дотошный Яндекс дал ответ:
Ныне во всемирной паутине
создана система Wikifate.
Заведи статью на имярека —
сроки жизни сразу сочини,
Выдумай судьбу для человека,
опиши дела и трудовни.
С крупным боссом может приключиться,
что напишут: завтра он помрёт,
Но следят «шестёрки» за страницей —
и немедля исправляют год.
Все друг другу пишут судьбы в раже —
и друг друга правят в кутерьме...
Можешь сам себе придумать даже:
хочешь — даты, хочешь — реноме,
Можешь дать властителю отставку
(вдруг и вправду выйдет по сему...)

Лишь одну, последнюю поправку
не дано исправить никому.

СТИХОПАД

Сквозь манно-белые штрихи
Луна плывёт ковчегом,
И с неба падают стихи,
Прикидываясь снегом.

Сияет стих да стих кругом,
Нетронутый, глубокий,
И люди утопают в нём
И стряхивают строки.

Луна косится свысока,
На стих ложатся тени,
И тает на руке строка,
Не дожидаясь чтенья.

* * *

...Прилетели — и сидят на древе,
Разместились — и вспорхнут не вдруг.
Эти птицы не летят на север,
Эти птицы не летят на юг.

Никому на свете не мешают,
Утешают, создают уют...
Эти птицы просто украшают —
И своё значенье сознают.

Нет на свете лучшего занятия —
Украшать собою чудный сад.
Пролетают мимо их собратья,
С завистью на дерево глядят,

Стонут, машут крыльями устало...
Как бы тоже угодить туда?
Но таких деревьев очень мало,
И на всех не хватит. Вот беда.

КНИЖНЫЙ МИР

В дурном ли я расположении духа —
иду к «Робинзону Крузо». Нужен ли
мне совет — к «Робинзону Крузо».

У. Коллинз. «Лунный камень»

Если нас опутают интриги
Или же навалится обуза —
Мы заглянем в правильные книги,
Как дворецкий в «Робинзона Крузо».

Там найдём о всяком и о разном:
Пороху полно в пороховницах...
Мы давно не боремся с соблазном —
И советы ищем на страницах.

Чтоб найти дорогу к результату,
Показать и знания, и хватку,
Подбираем к случаю цитату,
Попадаем в самую «десятку».

Вовсе ни к чему мостить дорогу
Новыми идеями благими —
Всё на свете было, слава богу,
И уже описано другими.

Мы, наверно, оттого и скисли,
Что твердим, как школьные уроки,
Лишь до нас продуманные мысли,
Лишь до нас написанные строки...

ПРО РОК

Перестань приговоры свои цедить,
Чумовой и нелепый рок.
Да и кто ты такой, чтобы нас судить?
Без тебя нам назначен срок.

Не тебе — понимаешь ты? — не тебе
Становиться для нас судьёй.
Приговор уже вывешен на столбе.
Мы давно уже под статьёй.

И соваться без спросу — большой орок.
Не останешься. Не проси.
Вот он — бог, погляди-ка, а вот — порог;
Можем вызвать тебе такси.

Проживём мы безрочно, как дважды два,
И без рока нам хватит бед.
Ты на нас давно потерял права,
Уходи и не засти свет.

* * *

Комета лупит по небу хвостом,
Устроив неурочный звездопад.
Я спрашиваю, видно, не о том,
И ты мне отвечаешь невпопад.

Нам не удастся воду истолочь:
Как ни толки — всё исчезает след...
Тебе я нарисую эту ночь,
А ты её раскрасишь в синий цвет.

И разорвётся неразрывный круг,
И звонкий сон начнётся наяву,
И двинутся созвездия на юг,
И звёздный клин расколется синеву.

А ночь глядит на землю с торжеством,
Но всё-таки — не так она страшна,
И мы с тобой её переживём,
Поскольку нарисована она.

ГЕТТО

В сем христианнейшем из миров
Поэты — жидаы!

М. Цветаева

...Дышать свободно посреди непреходящего угара,
И со звездой на груди брести за краем тротуара,
Носить потешное пальто, плевать на правильные цели
И исповедовать не то, что исповедовать велели,
И не внимать тому, кто прав, не слушать выкриков

с амвона,

Уйти подальше от орав и дома спрятаться от звона —
Прийти, и развести очаг, и ужин разогреть на плитке,
И каждый вечер при свечах читать засаленные свитки,
И впопыхах строчить пером (хоть нет на это разрешенья),
И знать, что близится погром, что дом дождётся

разрушенья,

И жить — сегодня как вчера, в ученье верное не веря,
И ждать удара топора по хилой, незащитной двери...

* * *

Опять взойдёт над брэнностью людскою
Бесстрастный строй полуночных светил...
Былому году помаша рукою —
За то, что руку он не отхватил.

Всё, с чем успели нехотя сродниться, —
Всё унесёт ночная чехарда.
Осипший чтец перевернёт страницу
И к старой не вернётся никогда.

А новая поманит рецидивом,
Там даже правда будет (между строк)...
Был строгим год былой — и справедливым,
А новый будет — справедлив и строг.

Он явится как новенький Страшила —
В костюм положат новую тресту...
Меняем шило на другое шило
И пальцем проверяем остроту.

ГОРОД

Ах, город мой... Твоя чумная важность
На грязно-сером фоне неустройства.
Твоя многоэтажность как продажность,
Твое запанибратство как геройство.

Досада несмолкаемого гуда,
Сплетенье неудачи и везенья,
И улиц неизбежная простуда,
И площадей неожиданное спасенье.

Неровный ряд блистающих шкатулок,
Вставной Палас и втиснутая Плаза,
А за углом таится переулок,
Корявый и кривой на оба глаза.

То смотришься обложкою романа,
То выглядишь невиданным шалманом...
Ах, город мой... Ты — ярмарка обмана,
И сам не веришь всем своим обманам.

ЗИМНЕЕ

Олегу Горшкову

Неласков полуночный снегопад,
и даже утомителен отчасти;
он нам дарует утренние страсти —
железный скрежет дворницких лопат.
Когда ударят злобные ломы
и сон рукой помашет на прощанье,
ты вспомнишь про пустые обещанья
и мнимые достоинства зимы.
Нет выгод от согласия с зимой:
она не соблюдает договоров,
она имеет вороватый норов
и славится походкою хромой.
Её прифронтовая тишина
недолго длится и немного стоит:
морозный ветер, как волынка, вост
и бродит со стараньем топтуна.
Он замечает свежие следы,
сбивает с размышления и шага...
Влачится, застревая, колымага
сквозь морок окружающей среды,
сквозь эту вьюгу, словно сквозь века —
куда? на встречу с богом или чёртом?
Не верь ни ветру, ни следам затёртым.
Войди во двор. Скатай снеговика.
В лихом апофеозе мотовства
снабди его морковкой и углями,
и пусть царит над снежными полями
его сторожевая голова.
Пускай он остаётся на посту,
непобедим ни ветром, ни зимою,
с холодной величавостью немою
и веточкой замёрзшею во рту.
Тогда вничью закончится война,
окажутся бессильными метели,
и, может быть, услышится на деле
шальная, словно пуля, тишина.

* * *

Свет зажги на столе — и садись у стола,
Темноту ощущая спиной.
Поворачивай жизнь, как осколок стекла, —
То одной, то другой стороной.

Эти грани — как зеркало, те — неровны,
Здесь — края изогнулись дугой...
Жизнь сияет, как солнце, с одной стороны —
И угрюмо чернеет с другой.

Всё былое в осколке слышней и видней.
Тянет холодом. Веет теплом.
Пальцы в отблесках света от радужных дней
И в крови от порезов стеклом.

У осколка не слишком осанистый вид —
Нет, не выйти ему в витражи.
Он из пальцев твоих ускользнуть норовит —
Хоть и больно, но крепче держи.

Преломляются звёзды, дрожа вразнобой,
Многоцветьем на серой стене,
И от света скрывается тьма за тобой,
Прикасясь пугливо к спине.

Послесловие

Лирика Сергея Шоргина, представленная в его новой книге «Вечерние беседы» — не просто собрание мастерски написанных стихотворений, но действительно не терпящий ни малейшего внутреннего лукавства разговор с чутким и взыскательным собеседником, которым может оказаться город, снег, дом, время...

И, конечно, кто бы ни вслушивался в слова на другом конце «провода», это всегда, и прежде всего, разговор с самим собой — то, от чего мы почти отвыкли в своём нескончаемом тороплении жизни. А потому почти за каждым стихотворением Сергея Шоргина ощущается то самое взыскание сути, причинного смысла вещей, соизмерение всего и вся с неким чувством правды в себе. Хотя и само это чувство — неизбежный предмет взыскания, путь обретения своего внутреннего храма.

*Храм не в полях, не на горе;
Не верь божбе и мишуре,
Молитве и газете;
Не под крестом, не на гербе
Свой скромный храм найди в себе.
Других и нет на свете.*

Настоящая поэзия, а именно с ней посчастливится встретиться читателю книги, тем и отличается, что проникает в глубину самых сущностных для человека вопросов. Она не только пристально и пристрастно наблюдает «окрестный мир», но претворяет его, создает собственное, неповторимое пространство бытия. И вместе с тем, пространство, создаваемое стихами автора «Вечерних бесед», благодаря густоте аллюзий, реминисценций, «отсылок» к самым разным историческим эпохам и событиям, античным и библейским сюжетам, мифам и легендам, оказывается удивительно «населённым», многомерным, по-настоящему вневременным. Лирическое осмысление волнующих автора вопросов происходит в насыщенном и плотном поле накопленного эстетического опыта, охраняющем стихи от пустоты без-

начала, столь знакомой по постмодернистским экзерсисам в рифму.

Но, пожалуй, самое значимое для меня в поэзии Сергея Шоргина — это её жизнеутверждающий посыл, сознание уникальности и неповторимости человеческого «я» в его причинной связи и общности со всем сущим. Вот краугольная нота, которая творит сам дух поэзии Шоргина – будь то стихи-философемы или стихи-картины, будто выхваченные из окружающей нас узнаваемой уличной сиюминутности, стихи-повествования или стихи-абстракции, лирические этюды или иронические зарисовки...

Каждый из тех, кто прочёл «Вечерние беседы», надеюсь, открыл для себя новый и удивительный поэтический мир. И у каждого он собственный, не похожий на другие. Это ведь тоже свойство настоящей поэзии — открывать миры.

Олег Юриков

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Моей будущей книге	5

2004

«Темный бесприютный путь...»	6
Тирренская канцона	7
Снова о Золушке, или О пользе штопки	7
«Я вас люблю, культуроведы...»	9

2005

Первое послание Иоанна	10
Этюд не по сезону	10
Обратная сторона зеркала	11
«На опоры сосен лёг уютно...»	12
«Двенадцать кратких слов об остальном...»	12
Дорога к храму	13
Питер	13
Nostradamus now	14
Пир во время трубы	14
«Четыре черненьких чумазеньких таджика...»	15
«Порог достигнут болевой...»	15
«Дело — не в особенной проворности...»	16
Сумерки	16
Лунная дорога	17
Хосе и Кармен	17
Затмение	18
«...Стихи — не зеркало изнанки...»	18
«...И вот опять придёт ко мне строка...»	19
«Неужели надо выдумать разлуку...»	19
Люди в чёрном	20
Непредсказуемость	22
Трамвайный ноктюрн	23
Непророческое	24
Варвара Премудрая	24
«Мы в юности смотрели про “Три тополя”...»	26
Геракл	27
Данте в Вероне. 1316	28
На Амальфитанском берегу	32
Перевод вечности	34
«Нет значит нет. На это нет суда...»	34

«Скатерть чёрная на праздничном столе...»	35
«...А ненаписанные строки...»	36
«Найти для молнии мишень...»	37

2006

Поклонение	38
Печать	41
«Кому из нас достанет силы...»	42
Лица остановок	42
Смена экипажа	43
«Верну на полку книжку Гумилёва...»	44
«Живу...»	45
Новое бремя белых	46
Миссия невыполнима	47
Костёр из снов	48
Промежуточное	48
Вчерашний свет	49
Святая пустота. Иерусалимская зарисовка	50
Наблюдение	51
Выбор обмана	51
Такие дела	52
Клинопись	52
Новое о Вие	53
«Нет, не узнает этого она...»	54
Корявая дорога	55
Вверх, до самых высот	56
Тайна	57
На свету	58
«Он явится когда-нибудь на суд...»	59
Памяти погибшего друга	59
В долгу. Абстракция	60
«И первый, и последний дни творенья...»	61
Наблюдателям нового века	61
Волки	62
А лета за нами...	63
Превратности выбора	64
Некомплект	65
Южные штаты	66
Пограничное	67

2007

Вечерние беседы	68
О маятнике	69

Что и требовалось	70
Ночной свет	70
Парсифаль	71
Зеркало Гуинплена	72
«С кого спросить за разбазаренное время...»	72
Одесское	73
Дом	74
Некалендарное	75
«В покорной церкви молится ханжа...»	76
Химеры	77
Кое-что о ноктюрнах	78
Кулинарное	78
Своим чередом	79
«Знатоки откровением делятся...»	80
О воде и вине. Абстракция	80
Yesterday never dies	81
Человек с песочными часами	82
Шрам	83
Мир не по мерке	83
Творец	84
Пожарное	85
Московский бес	85
«Из какой-то дальней дали...»	86
Капелька счастья (“Ву нэмт мэн а бисэлэ мазл”)	87
«Что о смерти размышлять?..»	88
«На землю не вдруг небеса упадут...»	89
Wikifate	90
Стихопад	91
«...Прилетели — и сидят на древе...»	91
Книжный мир	92
Про рок	93
«Комета лупит по небу хвостом...»	94
Гетто	95
«Опять взойдёт над брэнностью людскою...»	96
Город	97
Зимнее	98
«Свет зажги на столе – и садись у стола...»	99

Послесловие (*О. Горшков*)

100